

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
Дальневосточный государственный институт искусств

**КУЛЬТУРА
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ
И СТРАН АТР:
ВОСТОК–ЗАПАД**

Вып. 24

Материалы XXIV научной конференции
с международным участием

Владивосток,
28–29 ноября 2018 г.

Владивосток
2019

Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад. Материалы XXIV научной конференции с международным участием 28–29 ноября 2018 г. / ДВГИИ. Вып. 24. – Владивосток, ДВГИИ, 2019. – 369 с.

Материалы XXIV научной конференции охватывают широкий спектр вопросов и проблем, лежащих в сферах истории, философии, культурологии, этнографии, экономики, социологии, истории и теории музыкальной науки, методологии искусствознания, методики и педагогики художественного образования, краеведения Дальнего Востока.

Редакционная коллегия:

О.М. Шушкова, доктор искусствоведения, профессор (составитель);
С.Б. Лутинос, кандидат искусствоведения, доцент;
К.Г. Райх, зав. кафедрой общегуманитарных дисциплин,
кандидат философских наук, доцент;
Е.В. Бабухина, старший преподаватель.

Печатается по решению
Редакционно-издательского совета ДВГИИ

От редакционной коллегии

В предлагаемый вниманию читателей сборник материалов конференции включены актуальные вопросы и проблемы, лежащие в сферах истории, философии, культурологии, этнографии, экономики, социологии, истории и теории музыкальной науки, методологии искусствознания, методики и педагогики художественного образования, краеведения Дальнего Востока.

В конференции приняли участие коллеги из Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток), Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток), Дальневосточного федерального университета (г. Владивосток), Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского (г. Владивосток), Дальневосточного государственного института искусств (г. Владивосток), Тихоокеанского симфонического оркестра (г. Владивосток), Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского (Москва), Российской академии музыки имени Гнесиных (Москва), Сахалинского колледжа искусств (г. Южно-Сахалинск), молодые ученые из МБУ ДО «Детская школа искусств» г. Долинска Сахалинской области, Хэнаньского университета экономики и права (КНР), Циндаоского университета (КНР).

традиционных праздников в Китае все еще продолжается. Китайский ученый Чжан Бо утверждает, что праздничная культура в Китае сейчас находится в эпохе строительства [19].

Таким образом, китайская праздничная культура богата и красочна. В ее составе есть традиционная праздничная культура, которая была передана современным китайцам в течение длительного времени, появилось и много новых праздников, которые возникают в течение последнего десятилетия и соответствуют нынешней эпохе. В истории Китая праздничная культура всегда играла важную роль, она обогащает китайскую культуру и отвечает потребностям людей в каждом историческом периоде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 527 с.
2. Бернштам Т.А. Будни и праздники: поведение взрослых в русской крестьянской среде (XIX начало XX века) // Этнические стереотипы поведения. М., 1985. С. 120–153.
3. Ванченко Т.П. Смысловая основа массового праздника [Электронный ресурс] // Аналитика культурологии. 2008. № 10. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/smyslovaya-osnova-massovogo-prazdnika> (дата обращения 14.10.2018).
4. Воловикова М.И., Тихомирова С.В., Борисова А.М. Психология и праздник: Праздник в жизни человека. М.: ПЕРСЭ, 2003. 142 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. М.: Русский язык, 1989. Т. 3. 699 с.
6. Ленинцева В.А. Современная праздничная культура Китая: традиции и инновации: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. Чита, 2005. 189 с.
7. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: РАН, Институт русского языка им. В.В. Виноградова, 1999. 944 с.
9. Пигалев А.И. Праздник [Электронный ресурс] // Культурологический словарь. – Режим доступа: <http://kulturolog.slovaronline.com/П/411-ПРАЗДНИК> (дата обращения 14.10.2018).
10. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Терра-АЗБУКА, 1995. 407 с.
11. Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Сов. Россия, 1990. 158 с.
12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. 1424 ст.
13. 商务国际现代汉语大辞典 / 龚学胜主编. — 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2015. 2013 页. (Коммерческий международный современный большой китайский словарь / гл. ред. Гун Сюэшэн. Пекин: Международное коммерческое издательство, 2015. 2013 с.)
14. 李峰 节日的功能及其社会学隐喻 // 河南社会科学. 2008 年. 第 16 卷. 第 4 期. 第 109–111 页. (Ли Фэн. Функция праздников и их социологические метафоры // Социальные науки в Хэнань. 2008. Вып. 16, № 4. С. 109–111.)
15. 新华字典: 双色本 / 11 版. — 北京: 商务印书馆, 2011. 714 页. (Словарь Синьхуа: Двухцветная книга. 11-е изд. Пекин: Коммерческое издательство, 2011. 714 с.)
16. 现代汉语词典第七版 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. — 北京: 商务印书馆, 2016. 1799 页. (Словарь современного китайского языка. Вып. 7 / Редакционный отдел Ин-

ститута языкознания Китайской академии общественных наук (КАОН). Пекин: Коммерческое издательство, 2016. 1799 с.)

17. 徐万邦. 节日文化与民族意识. // 云南社会科学. 1994 年. 第 2 期. 第 38–44 页. (Сюй Ванбанг. Праздничная культура и национальное сознание // Социальные науки в Юньнань. 1994. № 2. С. 38–44.)
18. 萧放. 传统岁时与当代节日关联研究论纲 // 西北民族研究. 2004 年. 第 2 期 (总第 41 期). 第 105–108 页. (Сяо Фан. Краткое исследование взаимосвязи между традиционными праздниками и современными праздниками // Северо-западные этнические исследования. 2004. № 2(41). С. 105–108.)
19. 张勃. 建构时代的中国节日建设 // 民俗研究. 2015 年. 第 1 期. 总第 119 期. 第 62–73 页. (Чжан Бо. Формирование китайских праздников в эпоху строительства // Фольклорные исследования. 2015. № 1(119). С. 62–73.)

Ю.А. Ярошкая, О.Н. Мальцева (Владивосток)

К вопросу о специфике дальневосточного художественного образа: образ Владивостока

Аннотация. Анализируется художественный образ города Владивостока, представленный в текстах произведений писателей и публицистов XX–XXI в. В результате исследования выявляются специфические черты дальневосточного пространства, образа Владивостока и связанные с ними персонажи текста, а также определяется вектор развития владивостокского текста в эпоху современности, роль традиции в этом процессе.

Ключевые слова: региональный текст, владивостокский текст, образ Владивостока, концепт, вектор развития литературы.

Одним из активно развивающихся направлений современной филологии является изучение региональных (локальных) текстов. Textoобразующим элементом в них становится культурно-значимое место, чаще всего крупный (по сравнению с остальными в этой местности) город. С точки зрения когнитивной лингвистики, название такого города – топоним – можно определить как концепт. Основным компонентом (ядром концепта) являются наиболее значимые для носителей языка, частотные признаки. Представленные в художественном дискурсе характеристики топонимического концепта отражают эти признаки, но дополняются и индивидуально-авторскими, в результате создается специфический художественный образ.

Цель данной статьи – выявление элементов художественного образа Владивостока. Годом основания города принято считать 1860-й. В самом названии Владивостока, образованном от словосочетания «владеть Востоком», заложено его предназначение – стать воротами в Азию, форпостом России в этом регионе. Особое расположение города, его роль в продвижении России на восток отразились в художественных произведениях, посвященных

ему. Для характеристики всего массива художественных произведений о городе нами используется термин «владивостокский текст», который по своим основным характеристикам соотносится с понятием регионального текста [6]. Однако в художественном образе города присутствуют специфические черты, которые создают особый, приграничный (фронтирный) контекст. В работе мы сосредоточили внимание на изучении образа города, каким его увидели Н.М. Пржевальский (1839–1888), В.К. Арсеньев (1872–1930), и соотнесли его с представлениями о Владивостоке современных писателей – Василия Авченко (1980), Лоры Белоиван (1967) и Ольги Шипиловой-Тамайо (1977). Большинство писателей объединяет то, что Владивосток не был для них родным городом.

Писатели обрисовали Владивосток или свое мимолетное впечатление о нем в разные исторические эпохи. Пржевальский увидел его всего через 7 лет после основания. Арсеньев застал город молодым, динамично развивающимся в дореволюционные времена, потом пережил вместе с ним времена послереволюционные. О Владивостоке XXI в. пишут Авченко, Белоиван и Шипилова-Тамайо. Таким образом, мы имеем возможность увидеть город в динамике исторического развития от первых лет его жизни до современного состояния. По-разному подходят авторы к описанию Владивостока и в связи со своими творческими задачами.

Для Н.М. Пржевальского («Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг.») [8] описание Владивостока – необходимая часть описания далекого, неисследованного края, который необходимо осваивать. Он совершал экспедицию по Приморью и Приамурью в 1867–1869 гг. (это путешествие стало началом его экспедиционной деятельности). Пржевальского считают первым исследователем, который дал всестороннее описание Уссурийского края.

Автор уделяет много времени описанию пути. И уже по тому, как долго он передвигается от одного населенного пункта к другому, можно судить о величине расстояний, отдаленности территорий и их неосвоенности. Пржевальский попадает на территорию Уссурийского края в то далекое время, когда еще не определено, какой порт станет главным: Владивосток или Посет [8, с. 147]. Визит Пржевальского в Уссурийский край нашел отражение в «первой хронике Владивостока» – «Кратком историческом очерке г. Владивостока» Николая Петровича Матвеева, написанном и изданном к пятидесятилетию города (1910 г.) [7, с. 52].

Дорога к Владивостоку – «отвратительная тропинка» среди болот [8, с. 155]. Путешественник пишет и про то, какой урон наносят немногочисленные местные жители природе, пуская палы весной и осенью «для облегчения охоты за зверями и вообще, для уничтожения... страшных травянистых зарослей...» [8, с. 155]. Это он видел сам. Но город оказался приятным для уставших путников, укрыв их от жестокой метели [8, с. 155].

Пржевальский скупко пишет о расположении Владивостока вдоль северного берега бухты Золотой Рог, удобной для судов. Из его описания явствует, что порт очень мал: «Число жителей, кроме китайцев, но вместе с войсками, простирается до пятисот человек» [8, с. 156]. Торговля морской капустой, когда в сезон население города увеличивается на несколько сотен человек, видится Пржевальскому главной достопримечательностью Владивостока [8, с. 156]. Продавцы капусты обогащают иностранных купцов, а те взамен продают им втридорога необходимые вещи, вдобавок самого худшего качества [8, с. 156]. Путешественника также поражают очень высокие цены на все вещи, продающиеся во Владивостоке [8, с. 156–157]. Он также описывает, чем могли развлечь себя военные, – охоту. Первых оленей он встречает, не пройдя «и двух верст от этого города» [8, с. 157].

В описании Пржевальского обращает на себя внимание контраст природного изобилия и человеческого хищничества. Владивосток представляется как маленькое поселение, окруженное морем и тайгой, форпост цивилизации, негативные проявления которой вольно и невольно зафиксировал путешественник. Он также отметил многонациональность Владивостока. Напряжение конфликта создает атмосферу города в описании Пржевальского.

В.К. Арсеньев также упоминает Владивосток своих книгах. Экспедиция 1907 г., описанная в книге «Дерсу Узала» (1923 г.), и последняя крупная экспедиция 1927 г., отраженная в книге «Сквозь тайгу» (1930 г.), отправлялись из Владивостока. Для Арсеньева экспедиция – то, о чем он мечтает, находясь в городе, который лишает его свободы, погружает в суету и регламент. Отъезд из города в экспедицию для него – праздник [1, с. 104]. Но и возвращение тоже праздник, поскольку заканчивается очередное тяжелое испытание и на некоторое время в жизнь возвращается комфорт [1, с. 633]. Город в этом случае место, где можно обдумать и обобщить экспедиционный опыт. Если у Пржевальского можно отметить бинарную структуру тайга/город, то у Арсеньева – градацию, каждая ступень которой представлена определенным видом жилища [1, с. 633].

Начало экспедиции – романтически-приподнятое состояние ожидания новых впечатлений и открытий. Таким описано и начало экспедиции 1927 г. в книге «Сквозь тайгу» [2, с. 485]. Путь экспедиции начинается во Владивостоке морским маршрутом. Так же, морем, Арсеньев выходил из Владивостока в 1907 г. Но тогда город был для него лишь местом, где случилась «потеря времени» в начале экспедиции, во время которой должно было обследовать центральную часть Сихотэ-Алиня (Арсеньев, 2009, с. 408). В 1927 г., может быть, в связи с тем, что исследовалась возможность колонизации земель, автор описывает город таким, каким увидел его с борта парохода

«Син-пин-ган»: «Дома города, расположенные по склонам гор, взбирались до самых вершин, отчего все сопки казались иллюминированными. Множество огней как бы повисало в воздухе; они расходились, перемещались, сливались вместе и все разом отражались в черной воде» [2, с. 489]. Это описание вечернего города может быть использовано и для современного Владивостока. Автор объясняет красоту города необычной красотой места, на котором он расположен, задействуя все стихии. Город в этом эпизоде является, возможно, прообразом тех новых городов, которые пока существуют только в проектах. Арсеньев представляет Владивосток органично вписанным в необычный мир приморской природы. Природа украшает город, а он украшает природу.

Этот образ, созданный Арсеньевым, через десятилетия перекликается с Владивостоком-3000, описанным в одноименной киноповести Василия Авченко (в соавторстве с известным музыкантом Ильей Лагутенко): «Пока маршрутка штурмует сопку, подполковник разглядывает город, который он успел принять в себя и который ему уже нужно покидать, и поскорее... Сумасшедший, дикий и в то же время урбанистический вид открывается с самой вершины, где улица Юмашева переходит постепенно в улицы Нейбута и Ладыгина. Сопки – насколько хватает глаз, пропасти между ними, зелень, сверкание тысяч автомобильных стекол, дома, опоясывающие склоны сплошными бетонными кольцами, а слева – море, вдающийся в сушу бумерангом зигзаг Золотого Рога...» [5, с. 155].

В этом произведении совмещаются два временных / пространственных пласта: Владивосток 2000-х годов, настоящий город, узнаваемый в каждой детали, и параллельный Владивосток-3000, столица Тихоокеанской республики, в образе которого, по сути, отражены все те надежды, которые питали жители города с первых дней его возникновения: «...С правами человека и гражданскими свободами дело в бывшем Приморье обстоит куда лучше, чем в „материковой“ России»... странное сочетание военно-морского порядка и вольницы „порто-франко“... превратило Тихоокеанскую республику в свободную, веселую, драйвовую, процветающую страну. Это многих привлекало во Владивосток – пожить, позажигать, подышать свежим морским воздухом. Уровень образованности населения Тихоокеанской республики был очень высок из-за сделанной руководством ставки на накопление интеллектуального капитала. Так что республика с полным правом могла именоваться не только военно-морской, но и информационной или инновационной. Что до военно-морского уклона, то он был здесь только плюсом, потому что «оборонка», как это всегда бывает, стимулировала развитие целого комплекса отраслей – от геологоразведки и металлургии до электроники и атомной энергетики» [5, с. 23–27].

Владивосток-3000 – это город приграничный, поликультурный: здесь двустороннее движение (как в Японии, откуда в настоящий Владивосток активно ввозятся подержанные автомашины с «правым» рулем), нет домов с номером 4 (это числительное имеет отрицательные ассоциации, т. к. в китайском и японском языках звучание числительного совпадает с чтением иероглифа «смерть»), кухня, вобравшая в себя лучшие азиатские блюда [4]. Писателем подчеркивается особая роль города в Азии: «Понимаешь, у каждого места есть своя функция... У Владивостока своя функция, у Петербурга – своя... Теперь сюда приезжают играть со всей Азии... у нас такой остров свободы получился. Такой местный Лас-Вегас» [5, с. 76].

Примечательно обращение автора к образам первопроходцев Дальнего Востока. Главный герой (Пришелец) встречает Дерсу и капитана Арсеньева, которые помогают ему понять и принять родной город (настоящий Владивосток): «Это – редкая земля, такой больше нет...» [5, с. 173].

В книге О. Шипиловой-Тамayo интерпретация образа города необычна – это молодой мужчина: «Ее отца звали Владивосток. Правой ногой он стоял в Тихом океане, самом большом океане в мире.левой ногой – на краешке Евразии, самого большого материка планеты. И у ног его лежал 9288-й, последний километр Транссибирской магистрали, самой большой дороги на свете. Хотя сам Владивосток невелик, его знали многие в разных точках Земли. Он был постоянно молод, беспокоен, ярк и всегда на волне. И дочь Владивостока бесконечно обожала своего отца с той минуты, как появилась на свет» [9].

Использование олицетворения позволяет отразить особенности Владивостока: динамичность, небольшой (по сравнению с центральными городами России) возраст, удаленность от Москвы, но в то же время близость к азиатскому центру, за которым, возможно, будущее. Героиня, общаясь с Токиосаном, соседом Сеулом, братом Белградом, другом Брюсселем, любовником Парижем, все равно возвращается в родной дом, потому что только Владивосток может дать ей все: «Владивосток замечал ностальгические мучения дочери. И старался сделать все, чтобы она почувствовала счастье. Через бухту Золотой Рог и на остров Русский он перекинул изящные подвесные мосты. Не хуже, чем у Токио-сана! Радужно распахивал для нее двери многочисленных корейских едален, где жгучий красный перец творил страсть в любом блюде. Как у Сеула-соседа! Научился выпекать ароматные бельгийские вафли и стал подавать их во всех своих кофейнях. Прямо-таки в манере Брюсселя-друга! Даже Эмира Кустурицу завлек по весне к себе с концертом. И столкнулся с ним свою дочь нос к носу на улице Пограничной в ее любимом баре. опередил Белграда-брата! А на Орлиной сопке отныне переливалась огнями телевышка. Днем она ни на что не претендовала. Зато во тьме могла дать фору Эйфелевой башне – владивостокские огни бывали разноцветными

и бегали по телевышке всю ночь, а не дразнили созерцателей пятиминутными порциями раз в вечерний час. Ну, вот тебе – как у Парижа-любownika! И даже больше» [9].

Конец рассказа символичен: героиня встречает мужчину по имени Владивосток и остается с ним. В образе ее возлюбленного отражен неповторимый колорит реального Владивостока, обусловленный историей города: «Он чувствовал себя особенным, дыша целым Тихим океаном. Его кровь помнила кодекс чести петербургских морских офицеров, лихую казачью джигитовку и веселые украинские колядки. Смеяться он привык громко и по-настоящему, разговаривал хоть и на чистом русском, но так быстро, что приезжие его не сразу понимали» (Шипилова-Тамайо, 2017).

Противоположный, совсем не романтический образ Владивостока создает в своем произведении Лора Белоиван: «Города моей мечты из него свалить. Если вы не знаете, где это, я вам расскажу и покажу пальцем на карте. Видите, вот здесь, вот он. Ниже. Правее. Еще правее и еще ниже. Видите, фи́га? Это и есть небольшой турецкий городишко В., расположенный в самом нижнем правом углу геополитической карты Российской Федерации. Юго-западное побережье населенного пункта глядит на пролив Босфор Восточный, а бухта Золотой Рог рассекает город на две неравноправные части, омывая их своими грязноватыми водами с тыла. В иную зиму бухта промерзает чуть не насквозь, однако это не мешает ей считаться незамерзающей, о чем официально заявляют все навигационные справочники. Здесь вообще все по-турецки и сплошной обман: даже Новый год наступает не в полночь, как, например, в Мск или Спб, а на семь часов раньше... Однако город В., не поддающийся уму, можно попробовать осознать аршином: действительно, он настолько далек, что до его жителей не всегда доходят письма, отправленные ими самим себе по электронной почте» [3, с. 19]. Героиня страдает от одиночества в нелюбимом (с первого взгляда), а порой даже ненавидимом городе.

На протяжении всего произведения она едко высмеивает все, чем обычно гордятся местные жители: «Из достопримечательностей Города-на-Бос-форе следует упомянуть его похожесть на Сан-Франциско. Между нами говоря, ничего общего между этими муниципальными образованиями нет, но в городе В. привыкли думать, что есть. Американцы не возражают – как, собственно говоря, и турки. Существует научная версия, почему турки до сих пор не предъявили городу В. судебный иск за плагиат, ведь названия тутошних проливов и заливов были свистнуты у них русскими моряками, основавшими форт в правом нижнем углу. Поговаривают, что на самом деле моряки были турецкими, и форт они строили здесь в качестве своего запасного аэродрома, чтобы ближе было продавать китайцам кожаные куртки. За последние 145 лет в Китае накопилось столько турецких курток, что Поднебесная на-

чала сбывать их в город В. Куртки охотно покупают местные жители, даже не подозревая, что русская народная песня «Не нужен мне берег турецкий» посвящена именно их берегу [3, с. 20].

Достается даже В.К. Арсеньеву: «...из всех русских писателей лишь Владимир Арсеньев бывал в здешних краях добровольно, да и то лишь потому, что желал обеспечить достойную старость герою своего романа «Дерсу Узала». Арсеньев слыл культурным человеком: после своей смерти он оставил краеведческий музей имени себя». Но несмотря на все, героиня к концу романа так тесно срастается с городом, что остается в нем: «Я – дура. Я никогда отсюда не уеду» [3, с. 239].

Во всех исследованных нами текстах Владивосток представлен далеким, фронтирным городом, отсюда его неразгаданность, он привлекает необыкновенными возможностями. Молодость города для многих писателей – его достоинство. От Владивостока ждут невероятного, однако он не всегда открывается сразу. Это порождает чувство одиночества у его жителей. Человек часто оторван от своих родных и вынужден сближаться с такими людьми, с которыми, наверное, и не сошелся бы в других условиях. Город в исследованных текстах предстает как место, где уживаются представители разных национальностей, потому что он находится на перекрестке мировых путей. Владивосток наделен особой природной красотой, которая до сих пор не покорила человека: необычный рельеф (сопки), море, дальневосточная флора и фауна. Все эти черты позволяют рассматривать владивостокский текст как часть фронтирной литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсеньев В.К. Собрание сочинений: в 6 т. Владивосток: Рубеж, 2007. Т. 1. По Уссурийскому краю. Дерсу Узала. 702 с.
2. Арсеньев В.К. Собрание сочинений: в 6 т. Владивосток: Рубеж, 2009. Т. 2: Сквозь тайгу. 640 с.
3. Белоиван Л. Чემоданный роман / Л. Белоиван. М.: Эксмо, 2012. 240 с.
4. Киселева М.С., Мальцева О.Н. Образы еды и напитков как часть мифопоэтического образа города во владивостокском тексте (на примере киноповести И. Лагутенко В. Авченко «Владивосток-3000») // Научный диалог. 2018. № 7. С. 151–163. – DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-151-163.
5. Лагутенко И., Авченко В. Владивосток-3000. Киноповесть о Тихоокеанской республике. М.: Астрель; СПб.: Terra Fantastica, 2012. 192 с.
6. Мальцева О.Н. Концепт Владивосток в художественном дискурсе: «владивостокский текст» // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2014. № 4. С. 104–107.
7. Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток: Уссури, 1990. 302 с.

8. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1990. 336 с.

9. Шипилова-Тамayo О. Владивосток и другие мужчины: повести, рассказы и одна песня [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litres.ru/olga-shipilova-tamayo/vladivostok-i-dругие-muzhchiny> (дата обращения 01.05.2018).

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ; ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ МУЗЫКАЛЬНОЙ НАУКИ

О.А. Абрамович (Владивосток)

Об аналогиях «Fantasiaquasisonata» Ф. Листа и «Божественной комедии» А. Данте: некоторые аспекты синтетизма мышления композитора

Аннотация. Раскрывается синтетизм мышления Ф. Листа на примере «Fantasiaquasisonata». В ходе анализа сочинения выявляются связи с «Божественной комедией» А. Данте на различных уровнях музыкального произведения: образном, структурном, драматургическом и т. д. Для этого частично затрагивается синестетический ракурс анализа «Fantasiaquasisonata» Ф. Листа с применением графического подхода.

Ключевые слова: синтетизм, аналогии, Ф. Лист, А. Данте, тема-образ, графическое изображение.

«Fantasiaquasisonata» является заключительным произведением «Второго года странствий». Ф. Лист предпослал сочинению подзаголовок: «Прологомены к Божественной комедии»¹. В 1858 г., как пишет Я. Мильштейн, в издательстве подзаголовок был заменен на более простой и удобный: «После чтения Данте»². Следовательно, подзаголовки, данные и композитором, и в издательстве, указывают на связь «Fantasiaquasisonata» с поэтическим творением А. Данте.

В связи со сказанным выше возникают вопросы: имеется ли действительно сходство между музыкальной композицией и литературным источником?